

Глава 1

Винсент Эверетт сидел в экипаже напротив богатого лондонского особняка. Зимний вечер выдался морозным, наверное, одним из самых холодных в этом году, и Винсент не удивился бы, если бы сейчас пошел снег. Тем не менее он приоткрыл окошко, чтобы лучше видеть происходящее на другой стороне улицы.

Трудно было сказать, почему он торчит здесь в такую мерзкую погоду. Он не сомневался в том, что его секретарь Хорас Дадли благополучно вручит обитателям дома судебное предписание освободить жилище в двухдневный срок. Не было это связано и с желанием лично удостовериться в осуществлении столь важного шага на пути к его цели финансово уничтожить проживающую тут семью Аскотов. Складывалось впечатление, будто ему просто скучно и других планов на сегодняшний вечер у него не нашлось.

Кстати, решение Винсента уничтожить именно эту семью было основано вовсе не на эмоциях. Похоже, по-настоящему пронзительные человеческие чувства Винсент испытывал еще в далеком детстве; это было болезненно, он не имел ни малейшего желания возвращаться к подобной боли. С каменным сердцем жить оказалось значительно проще, в таком случае он легко и непринужденно мог, к примеру, выбросить людей из их дома на улицу

накануне Рождества, воспринимая все как нечто само собой разумеющееся.

Нет, последовательное уничтожение Аскотов было для него делом личным, с эмоциями никак не связанным. А причиной стал младший брат Винсента, Альберт, возложивший всю вину за крах своего бизнеса и разорение на Джорджа Аскота.

Альберт промотал бóльшую часть доставшегося ему наследства, однако извлек урок из своих ошибок. Собрал то немногое, что у него еще оставалось, он попытался организовать собственный бизнес, стремясь обрести самостоятельность и не тянуть постоянно деньги из брата. Да и гордость нужно было сохранить. Поэтому он купил несколько торговых судов и открыл небольшую транспортную контору в Портсмуте. Но Аскот, компания которого давно занималась морскими перевозками, по-видимому, опасаясь соперничества на этом рынке, принялся с самого начала ставить Альберту палки в колеса, предпринимая все, чтобы задушить дело своего молодого конкурента еще в зародыше.

Все эти подробности были изложены в письме Альберта, которое он — перед тем как исчезнуть — оставил своему брату вместе с впечатляющим количеством долгов, предъявляемых Винсенту кредиторами до сих пор. Винсент опасался, что Альберт мог уехать в какое-то укромное место, где его никто не найдет, и тихо покончить там с собой — он уже много раз грозился сделать это. А что еще могло прийти в голову, если письмо от него заканчивалось фразой: «Это единственный способ, какой я смог придумать, чтобы не быть для тебя обузой и не позорить тебя»?

После отъезда Альберта близких у Винсента не осталось, но, поскольку он никогда не чувствовал себя частью их семьи, особой разницы не ощутил. Родители ушли из жизни друг за другом в течение года, вскоре после достижения Винсентом совершеннолетия, и братья остались вдвоем. Других родственников, даже дальних, у них не было, так что данная ситуация в принципе должна была бы сблизить молодых людей. Но этого, увы, не произошло. Альберт, возможно, и чувствовал к Винсенту какую-то тягу, — а скорее, просто зависимость от старшего, — однако в то время наивно полагал, что весь мир вращается вокруг него; это глупое убеждение вбили ему в голову мать и отец, считавшие Альберта своим любимчиком, светом в окошке и чуть ли не главной радостью в жизни. В то время как Винсент был для них просто замкнутым занудливым наследником, на которого они и внимания-то не обращали.

Просто поразительно, что при этом Винсент никогда не испытывал к брату ненависти, хотя, чтобы ненавидеть, нужно уметь чувствовать. Впрочем, по этой же причине он не питал и любви к своему избалованному братишке, просто терпел его — «семья» все-таки. В общем, за Альберта он вступился по давно устоявшейся привычке, а еще из гордости. То, что Джордж Аскот успешно разорил представителя рода Эвереттов, бросало тень и на имя Винсента, и это нельзя оставлять безнаказанным. Так что пусть не думает, будто все сойдет ему с рук. Отплатить Аскоту той же монетой — наименьшее, что Винсент мог сделать для Альберта.

Ожидавшийся снег пошел как раз в тот момент, когда личного секретаря Винсента Эверетта впустили в особ-

няк. Белые хлопья мешали Винсенту рассмотреть детали, но все же он успел заметить подол юбки — следовательно, дверь Дадли открыла женщина. Самого Аскота в это время здесь быть не должно: по имеющейся информации, он отплыл из Англии на одном из своих кораблей в первую неделю сентября и спустя три с лишним месяца еще не вернулся. Его отсутствие упрощало процесс возмездия. Приехав на родину, Аскот обнаружит, что лишился кредитов у многих своих торговых партнеров и вдобавок потерял дом из-за неуплаты долгов по первому требованию.

Винсент пока что не решил, продолжать ли ему начатую кампанию прямо сейчас или же все-таки дождаться появления Аскота. Сегодняшнее выселение, которое было решающим ударом, кульминацией напряженной работы в последние несколько недель, не могло принести ему полного удовлетворения, пока его врага здесь нет и тот об этом даже не догадывается.

Собственно говоря, вся эта месть была Винсенту довольно неприятна. Ему не нравилось заниматься этим, он никогда не делал подобного раньше и вряд ли когда-нибудь сделает в будущем. При этом его не покидало ощущение, что на сей раз он просто обязан так поступить, и поэтому Винсенту хотелось побыстрее покончить с начатым делом. Однако то, что Аскот задерживался в дороге дольше, чем предполагалось, нисколько тому не способствовало.

А он уже давно должен был бы вернуться в страну. По крайней мере, Винсент рассчитывал на это. Ждать подолгу он не любил в принципе, и потому неудивительно, что ожидание в этом экипаже, на холоде, когда в его

присутствии явно не было необходимости, да и сам он толком не знал, почему торчит здесь, постепенно начало его раздражать — тем более Дадли, похоже, совершенно не торопился выполнять его поручение. Черт побери, ну сколько времени нужно на то, чтобы вручить какой-то клочок бумаги?!

Наконец дверь особняка напротив отворилась, а потом закрылась, но секретарь Винсента почему-то продолжал неподвижно стоять на крыльце спиной к улице. Выполнил ли он свою задачу или его вытолкали, прежде чем он успел это сделать? Какого черта он вообще там торчит, окаменев перед закрытой дверью под снегом?

Винсент уже готов был выскочить из экипажа и выяснить все на месте, но Дадли в конце концов развернулся и, спустившись по ступенькам, направился к нему. Эверетт распахнул дверь кареты — скорее от нетерпения, чем от желания побыстрее впустить секретаря в тепло с мороза. Между тем подошедший Дадли не торопился оказаться внутри: он вообще не сел в экипаж, а снова странным образом застыл под снегопадом, будто у него случилось какое-то помутнение рассудка.

Не успел озадаченный Винсент задать Дадли вопрос относительно его загадочного поведения, как тот вдруг заявил:

— Милорд, в своей жизни я еще никогда не совершал ничего более отвратительного и определенно не стану заниматься подобными вещами в дальнейшем. Я увольняюсь.

Брови Винсента удивленно полезли на лоб:

— В каком смысле — увольняетесь?

— Мое официальное заявление об этом будет на вашем столе завтра утром.

Винсенту нечасто приходилось так удивляться, и он даже в какой-то мере смаковал этот момент столь острых ощущений. Но затем его нетерпение все-таки взяло верх:

— Да сядьте же, наконец, в этот чертов экипаж, мистер Дадли. Вам совершенно не обязательно объясняться на таком холоде.

— Нет, сэр, — сухо ответил Дадли. — Благодарю за приглашение, но дорогу домой я уж как-нибудь найду сам.

— Но это же просто абсурд! В такой вечер вам тут извозчика не поймать.

— Ничего, справлюсь.

С этими словами его секретарь закрыл дверь кареты и, развернувшись, зашагал по улице. В обычной ситуации Винсент просто пожал бы плечами и в следующий момент выбросил мысли об этом человеке из своей головы, но сейчас он был так раздражен, что данный инцидент чуть ли не расшевелил в нем человеческие эмоции — незнакомое для него состояние.

В итоге он поймал себя на том, что выскакивает из экипажа и решительным шагом идет за Дадли. Догнав секретаря, он требовательным тоном задал свой вопрос:

— Да что такого могло там случиться, чтобы настолько вывести вас из себя?

Когда Хорас Дадли резко обернулся к нему, его бледное из-за мороза лицо стало красным от возмущения:

— Боюсь, милорд, если мы сейчас продолжим наш разговор, я скомпрометирую себя, наговорю вам лишнего, о чем потом буду жалеть. Так что, пожалуйста, просто примите мою отставку и больше не будем обсуждать это.

— Ну уж нет! Черт побери, вы же работали на меня восемь лет, а тут вдруг увольняетесь из-за какого-то пустяка...

— Пустяка?! — вспыхнул коротышка. — Видели бы вы убитое горем лицо той девушки, у вас бы тоже сердце кровью обливалось, как это произошло со мной. А какая красавица! Этот невыносимо горестный взгляд теперь будет преследовать меня до конца моих дней!

Горячность, с какой были произнесены эти слова, не оставляла сомнений в их искренности. Дадли развернулся и вновь зашагал прочь, отказываясь продолжать разговор. На сей раз Винсент дал ему уйти, после чего бросил хмурый взгляд на злополучный особняк.

Эта недвижимость теперь принадлежала ему. Пришлось оказать бывшему владельцу немалое количество всевозможных услуг, чтобы заставить пренебречь устной договоренностью с Джорджем Аскотом и оформить купчую на него, Винсента. По джентльменскому соглашению между предыдущим владельцем и Аскотом, последний уже выплатил значительную часть стоимости дома, а остальное обязался заплатить в течение ближайших нескольких лет. А пока этого не произошло, он не был полноправным хозяином и на оставшуюся сумму была составлена закладная.

Винсент выкупил закладную и потребовал немедленного погашения долга. При этом он прекрасно знал, что Аскота нет в стране и он не сможет лично получить его требование или каким-то образом организовать необходимые выплаты. В связи с чем потеряет свой дом и все, что в него уже было вложено, причем узнает об этом только после приезда, когда будет уже слишком

поздно что-либо предпринимать для спасения собственного имущества.

Это был хорошо рассчитанный удар как по финансам Аскота, так и по его деловой репутации, поскольку выселение из дома не могло не отразиться на его отношениях с кредиторами. Впрочем, Винсент все-таки не рассчитывал в результате потерять столь ценного работника, как личный секретарь.

Хорошенькая девушка, говорите? Это, вероятно, его дочь. Других женщин, которые могли бы настолько расстроиться из-за полученного известия, в доме нет, ведь в семье Аскота лишь одна дама — дочь, едва достигшая совершеннолетия. Жена Аскота умерла много лет назад, оставив ему еще и юного сына.

Винсент подошел к дверям дома — чисто из любопытства, как он сам себя уверял. Но, постучав и несколько долгих минут ожидая ответа под снегопадом в своем теплом дорогом пальто, он пришел к выводу, что любопытство — штука довольно глупая во всех отношениях и не стоило потакать этому своему чувству.

Он уже развернулся с намерением уйти, когда дверь наконец открылась. Хорошенькая, говорите? От вида девушки, стоявшей в ореоле мягкого света, струившегося из прихожей у нее за спиной, молодой человек потерял дар речи. Так это ее он собирался выгнать на заснеженные городские улицы? Это несчастное и безумно прекрасное создание? Черт бы тебя побрал, Винсент!